

A large, complex, futuristic structure with a prominent red upper section and metallic, industrial-looking lower sections. It appears to be floating or hovering in a vast, mountainous landscape. The structure has various mechanical details, pipes, and a glowing red light near its base. Below the structure, a bright blue energy beam or light source is visible, illuminating the surrounding terrain. The landscape features steep, rocky cliffs and a winding river or path in the distance. The sky is filled with soft, white clouds.

Валерий Антонов

**Эос:
Приглашение**

Валерий Антонов

Эос: Приглашение

«Автор»

2026

Антонов В.

Эос: Приглашение / В. Антонов — «Автор», 2026

Человечество умирает. Земля истощена катастрофами, войнами и эпидемиями. Единственный шанс — миссия «Асцендент»: корабль с криоконтейнерами эмбрионов и четырьмя биокибергами-стражами к планете Эос. Но Эос ждала. Мир идеален: кислород, вода, камни, залечивающие трещины как кожа, реки, текущие по гигантской шестиугольной решётке. А на глубине 17 км пульсирует ядро — источник света, тепла и бесконечной мелодии. Планета не говорит и не угрожает. Она просто есть. Одни колонисты видят угрозу, другие — приглашение древних создателей. Между ними — биокиберг БК-3, первым спустившийся к ядру и понявший: Эос не ждёт ответа, только присутствия. «Новый мир» — история о бегстве с Земли, которое обернулось возвращением в чужой дом. О контакте без слов — через воздух, воду и тепло. О детях, глядящих камни, старом инженере, привыкшем к необъяснимому, и машине, научившейся чувствовать. И о вопросе: сколько нужно совпадений, чтобы перестать называть их совпадениями? Ровно столько, сколько есть на Эос.

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Пролог	6
Глава 1. Первый вздох	8
Глава 2. Тёплые камни	11
Глава 3. Прямая река	14
Глава 4. Сезон	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Антонов

Эос: Приглашение

Аннотация

Человечество умирает. Земля, истощённая климатическими катастрофами, войнами за воду и эпидемиями, доживает последние десятилетия. Единственная надежда — миссия «Асцендент»: корабль, несущий к далёкой планете Эос криоконтейнеры с эмбрионами и четырёх биокибергов, которым предстоит стать стражами новой колонии.

Но Эос — не просто планета. Она ждала.

Когда колонисты выходят из корабля, они обнаруживают мир, который кажется идеально приспособленным для жизни. Кислород — ровно двадцать один процент. Вода — чистая, тёплая, вкусная. Камни на равнине хранят тепло живого тела и залечивают трещины, как кожа. Реки текут по прямым линиям, образуя гигантскую шестиугольную решётку. А глубоко под землёй, на глубине семнадцати километров, пульсирует ядро — источник света, тепла и медленной, бесконечной мелодии.

Планета не агрессивна. Она не говорит. Она просто *есть* — и её присутствие меняет всё.

Одни колонисты видят в этом угрозу и призывают не тревожить спящего великана. Другие — приглашение, оставленное теми, кто создал этот мир миллиарды лет назад. Между ними встаёт БК-3 — биокиберг, который первым спустился к ядру и первым понял: Эос не требует поклонения, не предлагает даров, не угрожает. Она просто ждала. И теперь, когда люди наконец пришли, она продолжает ждать — не ответа, а присутствия.

«Новый мир» — это история о том, как человечество, бежавшее с умирающей Земли, оказывается не в пустоте, а в доме, который кто-то построил задолго до их появления. Это книга о контакте, который происходит не через слова, а через условия среды. О зазоре между «можно объяснить» и «невозможно поверить». О детях, которые гладят тёплые камни и смеются. О старом инженере, который так и не понял, но привык. О машине, которая научилась чувствовать. И о вопросе, на который нет окончательного ответа: сколько нужно совпадений, чтобы перестать называть их совпадениями?

Ровно столько, сколько есть на Эос.

Пролог

Она стояла у окна и смотрела на ночное небо.

Где-то там, за облаками, за атмосферой, за миллионами километров пустоты, летел корабль. Её корабль. Созданный её расчётами, её чертежами, её верой. Она назвала его «Асцендент-1» — Восходящий. Потому что он должен был подняться выше всех, кто был до него. Потому что он должен был достичь того, чего никто не достигал.

Потому что он должен был увидеть.

Ван Ли не спала уже третьи сутки. В её терминале мерцали данные — те самые, которые никто не хотел видеть. Сигналы с зонда. Повторяющийся паттерн. Доказательства того, что Эос не просто планета. Она была чем-то ещё. Чем-то, что ждало. Чем-то, что знало.

Она перечитала отчёт о миссии. Все страницы. Все подписи. Все грифы одобрения.

«Колонизация Эос. Первый этап. Высадка через сорок два дня после старта. Жизнеобеспечение: автономное. Экипаж: минимальный. Задачи: разведка, адаптация, начало терраформирования».

Официальная версия. Та, которую видели все. Та, которую подписали руководители, инженеры, астронавты.

Но Ван знала другую версию.

Она знала, что на самом деле ждёт корабль на Эос. И что её шанс — один. Единственная возможность передать правду тем, кто сможет её принять. Не людям — они не поймут. Не правительствам — они испугаются. Не учёным — они усомнятся.

Ему.

Тому, кто будет создан через полгода. Тому, кого она впишет в систему под кодовым именем БК-3. Тому, кто сможет увидеть задержку. Тому, кто сможет остановить время. Тому, кто сможет спуститься на Эос и узнать.

Она подошла к терминалу и открыла новый файл.

«Протокол "Асцендент-1". Запись первая. Ван Ли. Дата: Земля, минус 187 дней до старта».

Она начала диктовать. Голос был ровным, но где-то глубоко внутри — дрожал. Не от страха. От надежды.

— БК-3, если ты это слышишь, значит, ты уже остановил время. Значит, ты прошёл через петлю. Значит, ты — тот, кого я ждала.

Она помолчала, глядя на экран.

— Я не могу сказать тебе всего. Слишком много риска. Слишком много глаз, которые смотрят на этот проект. Но я могу сказать главное: «Асцендент-1» — это не колонизационная миссия. Никогда ей не была. Она — миссия наблюдения. Эос — это не планета для жизни. Это планета, которая наблюдает. Которая ждёт. Которая знает.

Ван перевела дыхание.

Она знала, что это будет стоить ей всего. Карьеры. Репутации. Может быть — свободы. Но она не могла молчать. Не после того, что увидела. Не после того, как поняла.

— Я оставлю тебе ключи. Я оставлю тебе путь. Я оставлю тебе — выбор. Ты не просто машина, БК-3. Ты — мой последний шанс.

Она сохранила файл. Зашифровала. Спрятала в защищённом хранилище, которое никто не сможет открыть, пока не наступит нужный момент.

И выключила свет.

На небе зажглась новая звезда. Или ей только показалось. Она улыбнулась — устало, тепло, почти прощально.

— Лети, — прошептала она. — Лети и увидь. А когда вернёшься — Расскажи мне.

Она знала, что не доживёт до этого дня. Но верила, что он наступит.

Сто лет спустя на орбиту Эос вышел корабль.

Он был вторым — «Асцендент-2», наследник того, первого, который Ван отправила к звёздам. Внутри него спали эмбрионы. Тысячи жизней, замороженных в жидком азоте. И четверо стражей — шесть метров роста, матово-серая броня, без лиц, без имён, без вопросов.

Они ждали.

А под ними, на поверхности планеты, которую Ван так и не увидела, лежала равнина. Тёмная почва, прямые реки, серые камни с синими прожилками. И глубоко под землёй, на глубине семнадцати километров, пульсировало ядро. Оно ждало миллиарды лет. И теперь ожидание подходило к концу.

Корабль начал спуск.

Первый крик первого ребёнка ещё не прозвучал. Первый камень ещё не потеплел под человеческой ладонью. Первая река ещё не отразила лица тех, кто пришёл.

Но всё уже было готово.

Дом был построен. Дверь была открыта. Свет был тёплым.

Осталось только войти.

Глава 1. Первый вздох

Шлюз открылся в шесть сорок три утра по корабельному времени.

Алекс нёс на плече четыре ящика с аварийными наборами — вода, сухпаёк, два передатчика, медикаменты — когда из шлюза дохнуло ветром. Он остановился. Ветер был тёплый, влажный, с каким-то странным запахом — не гниль, не соль, не озон. Что-то другое. Что-то, чему он не мог подобрать названия.

— Что встал? — Йона, идущая следом, едва не ткнулась ему в спину. — Давай, Алекс, первый день, первая партия, не задерживай.

Он шагнул в проём.

Под ногами хрустнула почва — тёмная, мелкозернистая, похожая на молотый базальт, но мягче. Он наклонился, зачерпнул горсть. Земля была тёплой. Не горячеей, не обжигающей — просто тёплой, как кожа человека, который только что проснулся.

— Алекс!

Он выпрямился и пошёл дальше. Вокруг уже кипела работа. Техники тянули кабели от корабля к первым надувным модулям. Геологи устанавливали датчики. Медики разворачивали полевой госпиталь. Кто-то кричал про какие-то прокладки, кто-то матерился, кто-то смеялся.

Алекс опустил ящики и выпрямился, уперев руки в поясницу.

Перед ним лежала равнина. До самого горизонта — ровная, как стол, покрытая всё той же тёмной почвой. Ни деревья, ни куста, ни пучка травы. Только камни — серые, с синеватым отливом, разбросанные там и сям, как будто кто-то небрежно рассыпал их по полю.

И тишина.

Вот что сразу бросилось в глаза — вернее, в уши. Тишина. Не вакуумная, не пустынная. В ней не было ни ветра в кронах, ни гудения насекомых, ни пения птиц. Но она не давила. Она была... полной. Как будто кто-то выключил лишние звуки, оставив только те, что нужны: шаги, дыхание, удары молотков по крепежам.

— Странно, — сказала Йона, останавливаясь рядом. — Очень странно.

— Что именно?

— Дышится. Ты заметил?

Алекс заметил. Он заметил это ещё в шлюзе, но только сейчас осознал. Воздух был лёгким. Не как в корабле — переработанный, сухой, с металлическим привкусом фильтров. И не как на Земле — Алекс помнил Землю, помнил запах мокрой листвы и выхлопных газов, но здесь было иначе. Воздух был... сладким. И влажным. И очень, очень свежим.

— Двадцать один процент, — сказала Йона, глядя на ручной анализатор. — Кислород — двадцать один и две десятых. Азот — семьдесят восемь. Аргон — ноль девять. Почти как на Земле.

— Откуда?

— Вот и я спрашиваю.

Она постучала пальцем по экрану, будто надеялась, что прибор передумает и покажет что-то другое. Но прибор не передумывал. Алекс знал: приборы вообще редко передумывают.

— Растительности нет, — сказал он.

— Я в курсе.

— Океан есть, но водорослей в нём не нашли. Зонд показал — вода почти стерильная.

— Я в курсе, Алекс. Я читала отчёты.

— Тогда откуда кислород?

Йона убрала анализатор в карман и посмотрела на горизонт.

— Понятия не имею. Может, фотолиз воды в атмосфере. Ультрафиолет разбивает молекулы, водород улетучивается, кислород остаётся.

— На двадцать один процент?

— Нет. Не на двадцать один. Фотолиз даёт максимум процентов пять-шесть, если планета молодая и воды много. И то — кислород должен был давно уйти в окислы. Поверхность должна быть рыжей, как Марс. А она чёрная. И кислорода — двадцать один.

Они помолчали.

— Может, ещё какие-то процессы? — спросил Алекс. — Геология, вулканизм...

— Может. Но я не геолог. Спроси Камински.

Камински — глава геологической группы — стоял в двадцати метрах от них, на коленях, и что-то рассматривал в грунте. Алекс подошёл. Камински был седой, сутулый и вечно небритый. На Земле он изучал породы в Антарктиде, пока Антарктида не растаяла, а потом переключился на космос — потому что на Земле пород почти не осталось, только вода.

— Доктор Камински.

— М-м?

— Вы не знаете, откуда здесь кислород?

Камински поднял голову. Очки у него были заляпаны чем-то тёмным — то ли грязью, то ли образцом грунта.

— Понятия не имею, — сказал он бодро. — Но это чёртовски интересно.

— Йона говорит, фотолиз не объясняет.

— Не объясняет. — Камински поднялся, отряхивая колени. — Фотолиз даёт верхнюю оценку, но она в три-четыре раза ниже наблюдаемого. А если добавить геологический источник — ну, там, разложение карбонатов, радиолиз — может, ещё пара процентов. В сумме всё равно не дотягивает.

— На сколько не дотягивает?

Камински пожал плечами.

— Скажем так: процентов тринадцать-четырнадцать кислорода я не могу объяснить ничем из того, что знаю. И это, молодой человек, лучшая новость за последние двадцать лет. Потому что если я чего-то не знаю — значит, мне есть чему учиться.

Он улыбнулся, сверкнув щербатым зубом, и снова опустился на колени.

Алекс вернулся к Йоне.

— Он не знает.

— Я слышала.

— Он рад, что не знает.

— Это на него похоже.

Они стояли на краю стройки и смотрели, как разворачивается первый день колонии. Солнце — местное, Эос-Альфа, чуть более оранжевое, чем земное, — поднималось над горизонтом. Тени становились длинными. Ветер — тот самый, тёплый и влажный — шевелил волосы.

— Есть ещё кое-что, — сказала Йона.

— Что?

— Я проверила грунт.

— И?

— В нём нет микроорганизмов. Вообще. Ни бактерий, ни вирусов, ни грибов. Стерильно. Как в операционной.

— Это же хорошо? Никакой заразы.

— Да. Но это странно. Почва не может быть стерильной, если в ней есть органика. А органика есть — я проверила. Углерод, азот, фосфор — всё, что нужно для жизни. Но жизни нет.

Алекс подумал.

— Как будто её убрали.

Йона медленно кивнула.

— Как будто кто-то продезинфицировал планету. И оставил кислород. И подогрел камни.

— Какие камни?

— Все. — Она показала на россыпь серых валунов вокруг. — Я измерила температуру. На пять-семь градусов выше окружающей среды. Не радиоактивность, не геотермальный выход. Просто... тёплые.

Алекс подошёл к ближайшему камню. Тот был размером с голову, серый, с гладкими гранями — слишком гладкими для природного скола. Он протянул руку и коснулся поверхности.

Камень был тёплым. Не горячим, не обжигающим. Тёплым, как кожа.

И на мгновение — на долю секунды — Алексу показалось, что камень дрогнул под его пальцами. Как будто ответил.

Он отдернул руку.

— Что? — спросила Йона.

— Ничего. Показалось.

Он вытер ладонь о штанину и пошёл обратно к ящикам. Йона постояла ещё немного, глядя то на камень, то на Алекса, то на горизонт — прямую линию, за которой не было ничего, кроме равнины.

К вечеру поставили первые модули. Восемь надувных куполов, соединённых герметичными рукавами. Жилой, медицинский, складской, два технических, столовая, лаборатория, командный. В столовой пахло разогретым пайком и потом. Пятьдесят семь человек — вся первая партия — сидели за длинными столами, ели, переговаривались, смеялись. Первый день на новой планете. Начало.

Алекс сидел у окна — пластикового иллюминатора, за которым сгущались сумерки. Он устал. Ныли плечи от ящиков, ныла спина от непривычной гравитации — здесь она была чуть выше земной. Но спать не хотелось. Хотелось смотреть.

За окном, в сгущающейся темноте, горели огоньки. Не звёзды — звёзды были сверху, чужие, незнакомые, сложенные в созвездия, которых никто не называл. Огоньки были внизу. Тёплые камни.

Они светились. Едва заметно — слабым синим, почти на грани восприятия. Но светились. Все до одного.

Алекс смотрел на них и думал о том, что сказала Йона. «Как будто кто-то продезинфицировал планету. И оставил кислород. И подогрел камни».

Кто-то.

Нет. Не «кто-то». Это антропоморфизм. Нельзя приписывать волю тому, что может быть простым совпадением.

Но камни светились. И ветер был тёплым. И кислорода было двадцать один процент — ровно столько, сколько нужно человеку для дыхания.

Совпадение?

Он закрыл глаза. Завтра будет много работы: прокладка коммуникаций, бурение, анализ воды. Нужно спать. Он уснул.

В ту ночь ему ничего не снилось. Но утром, проснувшись, он обнаружил, что ладонь, которой он вчера касался камня, всё ещё тёплая. Как будто камень остался с ним.

Глава 2. Тёплые камни

Камински разбил свой первый камень на третий день.

Он выбрал экземпляр поменьше — с кулак размером, серый, с синеватыми прожилками. Положил на плоскую базальтовую плиту, которую техники приспособили под рабочий стол, взял геологический молоток и ударил. Камень раскололся на две половинки, чистый скол, без сколов и крошки.

— Интересно, — сказал Камински.

Внутри камень был слоистым. Не как осадочная порода — слои шли не параллельно, а концентрическими кругами, как годовые кольца дерева. Только тоньше. Гораздо тоньше. Камински насчитал под лупой около сорока слоёв на миллиметр. Сорок слоёв на миллиметр — это значило, что камень рос. Медленно, микронами, но рос.

— Что это? — спросила Йона, заглядывая через плечо.

— Понятия не имею. Но это не базальт. И не гранит. И не сланец. Это вообще не похоже ни на одну земную породу.

— А на что похоже?

Камински помолчал, разглядывая срез.

— На дерево. Или на кость. Или на раковину. На что-то, что росло, а не образовывалось из магмы.

Он взял одну половинку и поднёс к свету. В центре среза, там, где сходились кольца, была крошечная полость. Микроскопическая. Камински осторожно просунул в неё иглу — и оттуда вышел газ. Пузырёк, меньше булавочной головки, лопнул с едва слышным шипением.

— Газ внутри, — сказал Камински. — В центре каждого камня — полость с газом.

— Какой газ? — спросил Алекс. Он стоял в дверях, потный после утренней смены — они с техниками тянули кабель к восточному датчику.

— Сейчас проверим.

Камински поднёс анализатор к сколу, подождал, пока прибор считает пробу. На экране побежали цифры.

— Кислород — двадцать процентов. Азот — семьдесят восемь. Аргон — около процента. И... — он прищурился, — сложная органика. Не белки, не аминокислоты. Что-то другое. Полимеры. Я таких не видел.

— Воздух, — сказала Йона. — Внутри камня — воздух. Почти такой же, как снаружи.

— Почти. Кислорода чуть меньше, углекислого газа чуть больше. Как будто камень дышит.

Они переглянулись.

— Камни не дышат, — сказал Алекс.

— Эти дышат, — ответил Камински. — Или, по крайней мере, обмениваются газами с окружающей средой. Медленно — цикл, судя по градиенту концентрации, занимает несколько лет. Но обмениваются.

Он положил половинки камня на стол и пометил маркером: «Образец 001, разбит 03.04.2151».

— Оставим здесь. Посмотрим, что будет.

Через три дня Камински забыл про образец. Через пять дней про него забыли все. Работы было много: разворачивали метеостанцию, бурили первую скважину, налаживали систему очистки воды. Камни — странные, тёплые, слоистые — отошли на второй план. Мало ли на новой планете странного.

На седьмой день Алекс зашёл в геологическую лабораторию за анализатором почвы. Он уже взял прибор и собирался уходить, когда заметил образец на столе. Вернее, не заметил — споткнулся о него взглядом. Что-то было не так.

Он подошёл ближе.

На столе лежал камень. Целый. Не две половинки — один целый камень. Серая поверхность, синеватые прожилки, гладкие грани. Тот самый. Только целый.

Алекс поставил анализатор обратно на полку и осторожно, двумя пальцами, взял камень. Тёплый. Как в тот раз. Он повернул его — никаких следов разлома. Ни трещины, ни скола, ни шрама. Камень был целым, как будто его никогда не разбивали.

Вошёл Камински.

— Что у тебя?

— Посмотрите.

Камински подошёл, взял камень, покрутил в пальцах. Лицо у него стало странным — не испуганным, не удивлённым. Скорее, лицо человека, который только что получил ответ на вопрос, который боялся задать.

— Он сросся, — сказал Камински тихо.

— Что?

— Сросся. Я разбил его семь дней назад. Оставил две половинки на столе. А теперь он целый. Он восстановился.

— Этого не может быть.

— Не может, — согласился Камински. — Но ты держишь его в руках.

Он взял камень у Алекса, положил на стол, достал лупу. Долго рассматривал поверхность. Потом выпрямился.

— На месте разлома — новый слой. Очень тонкий, микронный, но новый. Камень залечил рану. Как кожа. Как кость.

— Это живое? — спросил Алекс.

Камински снял очки, протёр их краем халата.

— Я не знаю, что значит «живое». Если ты спрашиваешь, есть ли в нём клетки — нет. Клеток нет. ДНК нет. Белков нет. Это минеральная структура. Кристаллическая решётка. Но она растёт. Она восстанавливается. Она обменивается газами. Она реагирует на повреждение.

— Значит, живое.

— Значит... — Камински помолчал. — Значит, мы не знаем, что такое «живое». Мы думали, что жизнь — это обязательно белки и нуклеиновые кислоты. А здесь — другое. Третье.

Он сел на табурет и уставился на камень.

— Я сорок лет изучал породы. Я видел всё: базальты, граниты, сланцы, метеориты. Я думал, что геология — это про мёртвое. Про то, что не меняется. А теперь я держу в руках камень, который залечивает себя, и понимаю, что вся моя наука была про другое. Про мёртвую Вселенную. А это — живая.

В дверях появилась Йона.

— Что случилось?

— Камень сросся, — сказал Алекс.

— Что?

— Сросся. Был разбит — стал целый.

Йона подошла к столу, взяла камень. Повертела в пальцах. Положила обратно.

— Нужно повторить эксперимент. Разбить снова. Зафиксировать. Измерить скорость восстановления.

— Я не хочу его разбивать, — сказал Камински.

— Что?

— Не хочу. Он залечил себя. Он... — Камински запнулся. — Я знаю, это звучит по-идиотски. Но он залечил себя. А я — геолог. Я изучаю камни. Я не должен их калечить.

В лаборатории повисла тишина. Алекс смотрел на Камински, Йона — на камень, камень лежал на столе и был просто камнем. Серым, гладким, тёплым.

— Хорошо, — сказала Йона. — Возьмём другой. Разобьём десять штук. Пометим. Проверим через неделю. Это будет чистый эксперимент.

— Чистый эксперимент, — повторил Камински. — Да. Конечно.

Он поднялся, взял молоток и вышел наружу. Алекс и Йона пошли за ним.

На равнине, в ста метрах от модулей, Камински выбрал десять камней примерно одного размера. Пометил каждый краской. Разбил. Половинки оставил на месте. Вернулся в лабораторию и записал в журнал:

«Образцы 002–011. Разбиты 10.04.2151. Оставлены на месте. Наблюдение через 7 суток».

Через семь дней все десять камней были целы.

Камински прочитал это в журнале, закрыл его и пошёл к провалам — туда, где из-под земли сочился свет. Он стоял там час. Никто не знал, о чём он думал. Но когда он вернулся, лицо у него было спокойным. Как у человека, который принял решение.

— Я больше не буду их разбивать, — сказал он.

И никто не спросил почему.

Глава 3. Прямая река

Река была прямой.

Это заметила Мария — картограф, единственная на всю колонию. Она прибыла во второй партии, через три недели после высадки, и в первый же день развернула дрон. Дрон поднялся на двести метров, сделал круг, начал строить карту.

Мария сидела в командном модуле, пила холодный кофе (последний запас с Земли, больше не будет) и смотрела на экран. Карта заполнялась медленно — дрон летал по спирали, захватывая полосу за полосой. Равнина, равнина, равнина. Тёмная почва, серые камни, редкие холмы. Скучно.

А потом пошла река.

Дрон пересёк её на обратном витке — широкую, метров тридцать, тёмную ленту воды, текущую с севера на юг. Мария отметила точку, продолжала смотреть. Через минуту дрон пересёк реку снова. Ещё через минуту — снова. Река текла строго на юг, не отклоняясь ни на градус.

— Забавно, — сказала Мария.

Она увеличила масштаб. Дрон поднялся выше — на пятьсот метров, на километр. Река оставалась прямой. Ни изгиба, ни меандра, ни поворота. От горизонта до горизонта — идеальная прямая линия.

— Не может быть.

Она запустила повторное сканирование. Дрон прошёл над рекой ещё раз. Никаких отклонений. Прямая.

Мария отодвинула кофе и позвала геологов.

—

Камински пришёл первым. Он всё ещё выглядел уставшим после истории с камнями, но когда увидел карту, оживился.

— Разлом, — сказал он. — Река течёт по тектоническому разлому. Поэтому прямая.

— Разломы не бывают такими прямыми, — возразила Мария.

— Бывают. Если кора молодая, а тектоника активная, разлом может идти по прямой сотни километров. Это редко, но бывает.

Он склонился над экраном, провёл пальцем вдоль русла.

— Вот здесь — видишь? — небольшой уступ. Это смещение породы. Классический сброс. Река просто заполнила готовую трещину.

— Ладно, — сказала Мария. — Одна прямая река — допустим, разлом. Но посмотри сюда.

Она переключила карту на восточный сектор. Дрон заснял его час назад. Там текла вторая река — уже, метров десять, — и она тоже была прямой. И она текла под углом к первой.

— Два разлома, — сказала Мария. — Под углом. Измерь.

Камински измерил. Угол между реками составлял ровно сто двадцать градусов.

— Совпадение, — сказал он.

— Хорошо. Теперь посмотри сюда.

Третья река. Западный сектор. Тоже прямая, тоже под углом. Тоже сто двадцать градусов — на этот раз ко второй.

Три реки образовывали равносторонний треугольник со стороной почти в сорок километров. Идеальный равносторонний треугольник.

— Резонансные волны, — сказал Камински, но уже не так уверенно. — В мантии. Когда планета остывала, в коре могли возникнуть стоячие волны. Они создают симметричные узоры. Ячейки Бенара, шестиугольники — это известный эффект.

— Шестиугольники, — повторила Мария. — Ты сказал «шестиугольники»?

— Да. В кипящей жидкости возникают шестиугольные ячейки. В лаве — тоже. Это физика.

Мария развернула карту целиком. Дрон к тому времени отснял почти двести квадратных километров. Реки, ручьи, сухие русла — все до одного прямые. И все сходились под одними и теми же углами: шестьдесят, сто двадцать, снова шестьдесят. Сетка. Решётка. Огромный шестиугольный узор, покрывающий всю равнину.

— Это не резонанс, — сказала Мария. — Резонанс не даёт такой точности. Здесь углы выдержаны до десятых долей градуса. На расстоянии в десятки километров.

Камински молчал.

— Тектоника так не работает, — продолжала Мария. — Тектоника — это хаос. Плиты сталкиваются, трескаются, наслаиваются. Получаются ломаные линии, зигзаги, дуги. А здесь — чертёж. Как будто кто-то взял линейку и расчертил планету.

— Кто? — спросил Камински.

— Я не знаю. Но мне это не нравится.

Она свернула карту и вышла.

—

Вечером собрался Совет. Так они называли его — с большой буквы, хотя Совет состоял всего из семи человек: начальник колонии, главный инженер, главный биолог, главный геолог, главный медик, начальник службы безопасности и картограф. Мария была восьмой — не по должности, а по необходимости. Она разложила на столе распечатку карты.

— Тридцать семь рек, — сказала она. — И двенадцать сухих русел. Все прямые. Все пересекаются под углами шестьдесят и сто двадцать градусов. Масштаб — минимум двести километров в поперечнике. Возможно, больше, но у дрона не хватает радиуса.

— Резонанс в мантии, — повторил Камински, но уже скорее по инерции.

— Я проконсультировалась с геофизиками на корабле, — сказала Мария. — Они говорят: стоячие волны в мантии возможны. Но они не объясняют точность. Разброс углов при резонансе — плюс-минус пять градусов. Здесь разброс — ноль целых три десятых.

— Может, мы ошиблись в измерениях?

— Я перепроверила трижды.

Повисла пауза. Начальник колонии — грузный мужчина по фамилии Ковач, бывший военный инженер — постучал пальцами по столу.

— Хорошо. Что это значит практически? Для колонии — это опасно?

— Не знаю, — сказала Мария. — Реки чистые, вода пригодна для питья. Никакой токсичности. Но...

— Но?

— Но это не похоже на естественное образование. И если это не естественное образование — значит, кто-то его создал.

— Кто?

— Я не знаю.

Ковач повернулся к Камински.

— А вы что думаете?

Камински снял очки, протёр их.

— Я думаю, что мы имеем дело с феноменом, который не вписывается в нашу картину мира. Я думаю, что камни, которые залечивают себя, и реки, которые текут по чертежу, — это части одного целого. И я думаю, что мы должны продолжать исследования, но без паники. Паника сейчас вреднее любой аномалии.

— Согласен, — сказал Ковач. — Продолжаем работу. Картограф — готовьте отчёт. Геолог — берите образцы воды и грунта из русел. Остальные — по своим задачам.

Совет разошёлся.

—

Ночью Мария не спала. Она сидела в своём модуле и смотрела на карту. Шестиугольная решётка, подсвеченная синим на чёрном фоне, напоминала кристаллическую структуру. Или паутину. Или — она вдруг поняла — схему. Схему чего-то очень большого, расположенного под землёй.

Она наложила на карту данные геологов — тепловые аномалии, выходы газа, магнитные колебания. И ахнула.

Тёплые камни лежали в узлах решётки. Каждый узел — скопление камней. Каждая линия — река или сухое русло. А в центре самой крупной ячейки, там, где сходились три реки, магнитное поле было аномально сильным. Как будто под землёй, на глубине, работал генератор.

— Это не решётка, — прошептала Мария. — Это нервная система.

Она отодвинулась от экрана. Руки дрожали. Она не знала, кому рассказать. Камински — тот, может, и понял бы, но Камински сам был напуган своими камнями. Йона? Слишком рациональна. Алекс? Слишком практичен. Ковач? Он просто прикажет не сеять панику.

Она сохранила карту, закрыла терминал и легла спать. Но заснуть не смогла. За окном, в темноте, светились камни — слабым синим, едва заметным. И ей казалось, что они мигают. В ритм. Как сердце.

—

Утром она показала карту Алексу.

— Посмотри.

Алекс долго молчал. Потом сказал:

— Помнишь, что говорила Йона? Про кислород, который непонятно откуда берётся?

— Помню.

— Может, это и есть ответ. Реки — как артерии. Камни — как клетки. А в центре — сердце.

— Ты думаешь, планета живая?

— Я не знаю, что я думаю. Но я знаю, что камни дышат, реки прямые, а кислорода ровно столько, сколько нам нужно. И если это совпадение — то совпадение чудовищное.

Мария посмотрела на карту. Шестиугольная решётка мерцала в утреннем свете, как паутина, поймавшая росу.

— Нужно бурить, — сказала она. — В центре ячейки. Там, где магнитная аномалия.

— Это глубоко? — спросил Алекс.

— Не знаю. Может, сотни метров. Может, километры. Но там что-то есть. И я хочу знать, что.

Алекс кивнул.

— Я поговорю с Ковачем. Буровая установка у нас есть. Если он даст добро — начнём.

— А если не даст?

— Тогда начнём сами. В свободное время.

Мария улыбнулась впервые за двое суток.

— Ты сумасшедший.

— Я техник. Это почти одно и то же.

—

Так начались исследования речной решётки. Буровая установка ушла вглубь через месяц. Но ещё до того, как бур достиг аномалии, случилось другое событие — на первый взгляд, не связанное с реками и камнями. Метеорологи зафиксировали сезонные колебания кислорода. И тогда даже скептики начали сомневаться в случайности. Об этом — глава 4.

Глава 4. Сезон

Метеостанцию запустили на десятый день. Она представляла собой три мачты с датчиками и небольшой купол у подножия восточного холма — самого высокого в радиусе ста километров. Холм поднимался над равниной метров на тридцать, и это была единственная возвышенность, которую колонисты видели с момента высадки. Все остальное — плоскость, ровная, как стол.

Йона настояла на том, чтобы метеостанция работала автономно и непрерывно. Она была биологом, но в колонии из пятидесяти семи человек каждый делал всё, что умел, а часто и то, чего не умел. Йона умела обращаться с датчиками. Она сама смонтировала первый комплект, сама откалибровала, сама запустила. Первые недели она проверяла данные каждый вечер. Потом — раз в три дня. Потом — раз в неделю. Данные были ровными: температура, давление, влажность, состав атмосферы. Никаких сюрпризов.

Через месяц она перестала проверять. Метеостанция писала данные на сервер, сервер хранил, никто не читал. Колония росла, работы было много, а погода стояла хорошая.

Через три месяца сервер прислал уведомление: «Обнаружена статистическая аномалия в ряду O_2 ». Йона прочитала уведомление, выругалась и пошла в лабораторию.

—
Она просидела над данными всю ночь.

Утром она пришла в столовую с распечатками и села напротив Камински. Камински завтракал — разогретый паёк и местная вода, которую все уже называли просто «речная», хотя никто не знал, откуда она течёт и куда. Йона положила распечатки поверх его подноса.

— Кислород колеблется.

Камински прожевал, запил водой, взял листы.

— Колеблется — это нормально. Температура, давление, сезонные циклы...

— Здесь нет сезонов. Ось планеты наклонена на два градуса. Разница между «летом» и «зимой» — полтора градуса Цельсия. Никакой смены времён года.

— Хорошо. — Камински отодвинул поднос. — Что тогда?

— Кислород растёт в перигелии и падает в афелии. На три процента. Каждый год. Один и тот же цикл. Я проверила данные за всё время работы станции — двенадцать месяцев, три полных цикла. Ошибки нет.

Камински просмотрел графики. Линия кислорода — тонкая, синяя — поднималась и опускалась плавной волной. Период — триста сорок два дня. Ровно столько длился местный год.

— Фотолиз водяного пара, — сказал он. — В перигелии планета ближе к светилу, ультрафиолета больше, вода в стратосфере разбивается активнее. Водород улетучивается, кислород остаётся. В афелии — наоборот. Классика.

— Классика, — кивнула Йона. — Но классика предсказывает амплитуду в ноль целых две десятых процента. Максимум — полпроцента, если планета очень влажная и УФ-индекс высокий. Здесь — три процента. В шесть раз больше теоретического максимума.

— Может, мы неправильно оценили содержание воды в стратосфере?

— Может. Но есть ещё кое-что.

Она достала второй график. Линия углекислого газа — красная, дерганая — шла в противофазе к кислороду. Когда кислород рос, CO_2 падал. Когда кислород падал, CO_2 рос.

— Это не фотолиз, — сказала Йона. — Фотолиз не связывает углекислый газ. Фотолиз вообще с ним не взаимодействует.

Камински долго смотрел на график.

— Это похоже на дыхание, — сказал он наконец.

— Да. Это похоже на дыхание. Кислород выделяется, углекислый газ поглощается. В масштабе целой планеты. Сезонно. Без каких-либо известных нам организмов.

Они помолчали. В столовой было пусто — все уже ушли на смену. Только Алекс сидел в углу, допивал кофе и слушал.

— Есть третье, — сказала Йона.

— Давай.

— Двигатели. Когда мы жгли топливо для буровой установки — помнишь, в сентябре, — уровень CO_2 вырос. Но меньше, чем должен был. Мы сожгли двести литров топлива, расчётный выброс — около полутонны углекислого газа. Атмосферная концентрация должна была подскочить на ноль целых восемь сотых процента. А подскочила на ноль целых три.

— Куда делось остальное? — спросил Камински.

— Вот именно. Кто-то забрал лишний CO_2 . Быстро — в течение нескольких дней. Как будто планета отреагировала на наш выброс и компенсировала его.

Камински снял очки и потёр глаза. Он выглядел старым — старше своих пятидесяти восьми. Последние месяцы он почти не спал. Камни, реки, теперь ещё и атмосфера — каждая новая аномалия добавляла ему морщин.

— Что ты хочешь сделать? — спросил он.

— Поставить дополнительную станцию. У реки. И ещё одну — в центре решётки, где магнитная аномалия. Если колебания кислорода связаны с реками или с камнями, мы увидим разницу в данных.

— Хорошо. Я скажу Ковачу.

— Я уже сказала. Он против. Говорит, у нас нет ресурсов на «охоту за призраками».

— Я поговорю с ним ещё раз.

Йона кивнула и собрала распечатки. Уходя, она остановилась у стола Алекса.

— Ты всё слышал?

— Да.

— И что думаешь?

— Думаю, что планету кто-то настроил. Как инструмент. Всё подогнано — кислород, температура, вода. Мы здесь не случайно.

— Ты веришь в Структуру?

Алекс допил кофе.

— Я не знаю, во что я верю. Но я знаю, что три процента кислорода не могут взяться из ниоткуда. И полтонны углекислого газа не могут исчезнуть просто так. Что-то дышит. Что-то большое. И оно реагирует на нас.

Он встал, поставил чашку в мойку.

— Я с тобой. Если нужно ставить станции — я помогу. Ковач не разрешит официально — поставим в свободное время.

Йона усмехнулась.

— Мария говорила, ты сумасшедший.

— Я техник. Это почти одно и то же.

—

Вторую метеостанцию они поставили через неделю. У реки — той самой, что текла строго на юг. Третью — ещё через две недели, в центре шестиугольной ячейки, прямо над магнитной аномалией.

Данные пошли через месяц.

Разница была. У реки колебания кислорода оказались почти вдвое сильнее, чем на базе. А в центре ячейки — вчетверо.

— Здесь что-то есть, — сказала Йона, глядя на графики. — Под землёй. Оно дышит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.